
МИЛА КРОС
Вечность без тебя
18+

Мила Крос

Вечность без тебя

«Автор»
2026

Крос М.

Вечность без тебя / М. Крос — «Автор», 2026

Элаиза Ленквин — молодая графиня, богатая наследница и одна из самых завидных невест Монтара. Её окружают балы, светские интриги и мужчины, мечтающие завоевать её сердце.Но одна встреча меняет всё.Загадочный герцог Северин Бладстейн появляется в её жизни внезапно. В его взгляде есть что-то пугающее и притягательное одновременно. Он обращается с Элаизой так, словно знает её гораздо лучше, чем должен. Она не понимает, почему этот мужчина вызывает в ней столько противоречивых чувств.А Северин хранит тайну, которая способна разрушить всё, во что Элаиза верит. Иногда прошлое возвращается не для того, чтобы напомнить о себе.

© Крос М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12

Мила Крос
Вечность без тебя

Глава 1

Солнечные лучи мягко освещали бледную кожу в тени деревьев. Но вместо тепла они дарили усталость. Я скучающе вздохнула, вставая со скамьи, и раскрыла украшенный кружевами зонтик — не из надобности, а скорее по привычке. Мой взгляд скользнул на его рукоять: там развевалась голубая лента, которая красноречивее любых слов заявляла о том, что девушка ищет партию.

Проходя по каменной дорожке, я смотрела на пруд, в котором медленно плавали два белоснежных лебедя. Птицы скользили навстречу друг другу. Когда они подплыли совсем близко, их шеи пересеклись, образуя силуэт сердца. В нашем городе ходила легенда, что если незамужняя девушка увидит пару лебедей, то вскоре выйдет замуж. Я отвела взгляд. Верить в легенды и сказки — занятие для детей и юных особ. «Глупые птицы», — хмыкнула я, проходя дальше.

Лёгкий ветер всё ещё нёс в себе весеннюю прохладу, однако полуденное солнце прогрело воздух насколько, что становилось трудно дышать. Вдобавок этот дурацкий корсет сдавливал рёбра. Я искренне не понимала, зачем он нужен, если моя фигура и так выглядела хорошо. Но высшее общество навязывало свои убеждения и представления о моде. Я почти дошла до своего поместья, как вдруг меня окликнул знакомый голос.

— Ох, какая встреча! Графиня Ленквин, — тонкий голосок резал слух.

Я едва не закатила глаза, но, натянув улыбку, повернулась к знакомой. Баронесса присела в реверансе. Я ответила коротким кивком.

— Добрый день, Лили, — коротко ответила я, намекая, что разговаривать у меня нет никакого желания.

Она уловила этот посыл, но не отступила. Лицо баронессы расплылось в лукавой улыбке, а в голубых глазах загорелся огонёк зависти. Она была дочерью барона, который имел в светских кругах весьма сомнительную репутацию. После публичного скандала жених расторг помолвку, и теперь найти достойную партию ей будет ой как непросто.

— Как поживаете? — молвила девушка.

— Не жалуюсь. А вы, баронесса? Готовитесь к Ярмарке? Или решили её пропустить? — парировала я.

Лили нервно вскинула подбородок. Скрывая раздражение, она натянула улыбку ещё шире, отчаянно пытаясь выйти победительницей из этой словесной перепалки.

— Конечно, и вам советую. Негоже быть незамужней в двадцать лет. — Лили дёрнула уголком рта, будто бы чувствовала, что побеждает.

Но я была не из тех, кто легко сдаётся.

— Да, вы правы. Подготовкой не стоит пренебрегать. Особенно в день смотра Достоинств, — последнюю фразу я произнесла с явной насмешкой.

Брови баронессы сошлись на переносице, а пальцы сильнее сжали рукоять зонта.

Хмыкнув, девица резко развернулась на пятках и пошла прочь.

«Что ж, миссия выполнена», — подумала я и зашла в поместье.

В гостиной меня встретила наша горничная, она любезно забрала у меня зонтик и шляпку. На маленьком столике лежали свежие новости — «Листки Предрассудков». Интересно, какие слухи они принесли сегодня? Я взяла газету и устроилась на диване. От чтения меня отвлёк звук приближающихся шагов.

— О, Элаиза, ты уже вернулась? Почему так скоро?

— Прогулка выдалась весьма скучной, — ответила я отцу, тщетно пытаясь сосредоточиться на строчках.

— Элаиза, ты же помнишь, что обещала в прошлом году?

Я закатила глаза. Опять эти разговоры! Отбросив газету, я посмотрела на отца.

— Да, отец. Если я не найду партию в этом году, то ты найдёшь мне сам.

Отец улыбнулся, хотя в его глазах была печаль. Он обещал покойной матери, что я выйду замуж только по любви. Его взгляд скользнул к стене, на которой висел портрет матушки и старшего брата. Я тоже взглянула на полотно. Тоска наполнила сердце, подобно раскалённому свинцу.

Матери, графини Марии, не стало десять лет назад. Она ушла вслед за моим старшим братом, который до последнего боролся с чумой. После их кончины отец так и не смог жениться на другой. Их любовь была подобна тем книжным романам, которые так любила матушка. Наверное, страсть к чтению привила мне именно она.

— Хорошо, — промолвил отец, отводя взгляд от портрета. — Не забудь, сегодня вечером семья Бладстейн устраивает приём. — Отец надел цилиндр и поправил сюртук. — К вечеру будь готова, — добавил он и покинул поместье.

Я закатила глаза. Эти светские приёмы утомляли до последней капли сил. Улыбаться весь вечер, держать лицо, притворяясь, будто эта радость не стоит тебе никаких усилий, — тоже своего рода работа. После неё оставалась лишь тупая ломота в ногах и болело лицо.

Ярмарка Невест только началась, но в почтовом ящике уже было полно писем с предложениями о помолвке. Позиция самой завидной невесты держалась за мной уже второй год. К сожалению, кавалеров притягивала вовсе не моя красота или ум, а наследство. После кончины

брата отец составил завещание, в котором оставляет всё мне. Так как высшее общество воспринимало в качестве глав родов и управленцев исключительно мужчин, отец посчитал, что мне нужна опора в виде мужа. Именно поэтому женихи не давали мне прохода, слетаясь, как мотыльки к огню.

Тяжёлый вздох сорвался с моих губ. Дверь слегка приоткрылась — это была горничная.

— Ваше сиятельство! Пришло письмо от модистки: ваше платье для приёма готово.

— Хорошо, спасибо, Жюли. Пусть готовят карету.

Горничная слегка склонила голову и скрылась за дверью. Я отложила газету. Господь, почему сегодня все отвлекают меня от новостей?

Спустя четверть часа карета была подана. Лакей почтительно открыл дверцу и подал мне руку, помогая забраться.

Город казался бесконечным лабиринтом из камня и света. Улицы тянулись вперёд, одинаковые и чужие, будто специально созданные для того, чтобы запутать и утомить. Каждый поворот открывал новые фасады, похожие друг на друга, как маски на маскараде. Даже воздух здесь был каким-то тяжёлым, будто пропитанным чужими надеждами и разочарованиями. Хотелось свернуть в какой-нибудь тихий дворик, где не будет ни взглядов, ни ожиданий, ни бесконечных улыбок, которые приходится надевать, как перчатки.

Из раздумий меня вернул звук открывающейся дверцы. Я вышла из кареты. Надпись на медной табличке сверкала в лучах солнца: «Modiste à la Cour». Зайдя внутрь, меня встретила знакомая суета и запах тканей. Мадам Флюр металась по салону с охапкой материи.

— Добрый день, Ваше Сиятельство! Ваше платье готово, дайте мне пару минут. — Женщина едва склонилась и скрылась за дверью.

Я присела на зелёный диванчик, просматривая газеты.

— Прошу прощения за ожидание. Ваше платье. — Модистка положила на столик довольно большую коробку.

— Спасибо, Мадам Флюр.

— Вы уже слышали последнюю новость?

Я посмотрела на женщину с удивлением. Обычно мимо меня не проходило ни одной сплетни, и мадам Флюр как раз была их главным источником. Она знала всё о высшем обществе, но самые пикантные новости она держала для меня. Наверное, именно благодаря обаянию и харизме она добилась такого успеха и в своём ремесле, и среди аристократии.

— Нет. Расскажите же, что такого случилось в светском обществе?

Модистка довольно улыбнулась. Она чуть приблизилась и прикрыла рот рукой.

— Сегодня приходила виконтесса Клотильда де Ларош с дочерью Изабель. Они заказывали платья. Пока я искала подходящую ткань, услышала их интересный разговор. По словам виконтессы, вчера в Монтар прибыл знатный герцог. По слухам, он двоюродный брат Его Величества. Виконтесса была так взволнована, что заказала для дочери целый десяток платьев. — Флюр театрально вздохнула и отошла от меня на один шаг.

— Как интересно. Что же там за герцог? — Вопрос был риторическим, но Флюр пожала плечами. — Спасибо большое. Я ещё загляну на днях.

Модистка поклонилась, и я покинула салон. Дорога домой заняла значительно меньше времени. Когда я вернулась в поместье, меня встретила горничная — лакей передал ей коробку с платьем.

— Жюли, подготовь это платье к вечеру и приготовь мне ванну.

Женщина кивнула и покинула комнату.

До приёма оставалось совсем немного времени. Я поднялась в комнату, где меня ждала ванна. Горничная помогла мне расшнуровать корсет. Я накинула шёлковый халат и отправилась в туалетную комнату, захватив с собой газету. Пар от горячей воды оседал на стенах. Я окунулась в воду и, лёжа в ванне, развернула газету.

Первая страница пестрела скандальными новостями о семье барона. «Говорят, барон из-за сильного увлечения пьянящими напитками проиграл в карты половину состояния». Об этом уже знали все, так что читать было неинтересно.

Я перевела взгляд на соседнюю страницу: «Королевская семья устраивает бал-маскарад; приглашения начнут рассылать со следующей недели». Грандиозное открытие Ярмарки. Скучно.

Перевернув страницу, я увидела выделенный жирным шрифтом заголовок: «Герцог Северин Бладстейн вернулся в Монтар».

«Герцог Северин Бладстейн ищет себе партию?» Как интересно. Я слышала, что семья Бладстейн была очень известной и образцовой и состояла в родстве с королевской династией. Члены этой семьи обладали идеальной репутацией. Странно, что я знала всех членов этой семьи, но имя герцога слышала впервые.

Я отложила газету и вышла из ванны.

Платье ждало меня на манекене, и я замерла, не в силах отвести взгляд. Пыльно-розовый шёлк, напоминавший цвет утренней зари сквозь тюль, был усыпан мелкими розами. Вышитые шёлковой нитью в тон, они проступали на ткани так деликатно, будто всплывали из самой её глубины. Лиф открывал плечи, отделанные пышным кружевом, вдоль спины тянулась шнуровка с жемчужной нитью, а перламутровые пуговицы сбегали по рельефу корсажа, подчёркивая талию. Юбка падала каскадом складок; сзади, над пышным турнюром, она собиралась в большой бант, и шлейф розовел за спиной, как хвост кометы.

К длинным перчаткам — белым, кружевным, до локтя — я примерила жемчужное ожерелье: мелкие бусины облепили горло тугой ниткой, повторяя россыпь на лифе. Ничего лишнего. Красота, рассчитанная на то, чтобы не привлекать лишнего внимания — и тем самым безнадёжно его приковывать.

Тёмно-каштановые волосы Жюли подняла высоко, закрутив в тугие волны, а по самой причёске рассыпала розовые бутоны в тон платью. Над ними вздымалось белое страусиное перо — лёгкое и надменное. Выпущенные пряди она уложила так, что они едва касались моих обнажённых плеч.

Я посмотрела на своё отражение и впервые за день улыбнулась по-настоящему.

«Что ж, герцог, — подумала я, поправляя перчатку, — посмотрим, чего ты стоишь».

Когда я вышла из комнаты, отец сидел на диване и читал что-то в своей записной книжке. Услышав стук каблуков, он выпрямился и посмотрел на меня. На его лице расцвела улыбка.

— Ох, моя крошка Элаиза. Ты выглядишь прекрасно. — Отец встал с дивана и развёл руки в стороны, осматривая меня с восторгом.

— Я давно уже не крошка. Перестань меня так называть. — Хоть мне и не нравилось, когда он так говорил, мой отец был прекрасным человеком. Он подарил мне столько тепла и любви, что многие в этом городе могли бы только позавидовать.

Отец подошёл ближе и коснулся ладонью моей щеки.

— Ты всегда будешь моей крошкой, и неважно, сколько тебе лет.

Его тёплая рука согревала кожу. Этот простой жест всегда разливал родное тепло по всему телу и успокаивал меня, как мамина колыбель. Я едва прикрыла глаза, наслаждаясь моментом чистой отцовской любви, пока за дверями собирался бал стервятников.

— Нам пора, мы же не хотим появиться в сводках новостных газет. — Отец убрал руку и улыбнулся.

— Ты прав, отец. — Смешок вырвался наружу, и я прикрыла рот рукой, чтобы он вновь не сорвался с губ.

Во дворе нас уже ожидал экипаж. Отец открыл дверцу и подал мне руку, помогая забраться внутрь. Ехать было недолго, но по дурацким правилам на приёмы полагалось прибывать в карете. Спустя несколько минут мы остановились у дома Бладстейнов. Первым вышел отец и помог мне спуститься на землю.

Двор встретил нас светом и музыкой: факелы дрожали в чугунных чашах, лакеи в тёмных ливреях помогали гостям выходить из экипажей. Камень под колёсами кареты казался тёплым, будто сам дом дышал нам навстречу. Чуть дальше, ближе к парадному входу, стояли актёры, переодетые в статуи. Их резкие, механические и оттого пугающие движения вызывали восторг. Двор был украшен цветами разных сортов, и их тонкий аромат окутывал со всех сторон.

Мы поднялись по невысоким ступенькам к парадной двери поместья. Приём только начался. Кавалеры уже кружили дам в вихре танца. Цветы украшали зал. Их аромат перебивал смешанный парфюм, превращаясь в лёгкую вонь.

Как и полагается на приёме, нас встречали хозяина дома.

— Добрый вечер, граф Ленквин. Я очень рад видеть вас на нашем приёме.

Отец чуть склонил голову. Герцог слегка кивнул и обратился ко мне:

— Графиня Элаиза, я восхищён. Вы выглядите великолепно.

Я склонилась в реверансе и протянула ему руку. Герцог Луи оставил лёгкий поцелуй на моих костяшках.

— Благодарю вас, герцог.

— Прошу, походите, я присоединюсь к вам совсем скоро, — сказал виконт, продолжая встречать прибывших гостей.

Отец выставил локоть, и я, как и полагается даме, взялась за него. Он довёл меня до небольшой группы юных леди и оставил там, а сам направился к компании мужчин. Добродетельные леди и их матери повернулись: они смотрели на меня сверху вниз оценивающим взглядом. Они улыбались мне так, как улыбаются диагнозу: вежливо, но без надежды.

— Добрый вечер, графиня Ленквин. Вы чудесно выглядите. — Это была Шарлотт де Поль. Её улыбка была столь же фальшивой, как и она сама.

— Добрый вечер, леди Шарлотт. Ваш наряд ничуть не уступает моему.

Девица замахала веером, продолжая улыбаться.

— Графиня, вы слышали последние новости? — продолжила Шарлотт. — Говорят, герцог Северин Бладстейн посетит приём.

— Слышала, конечно. Его появление вызовет ажиотаж у леди. — Девицы усмехнулись, прикрывая рты веерами. — А может, он уже тут? — Они тут же начали осматриваться по сторонам.

Небольшая заминка помогла мне уйти от столь «приятной» компании. Дойдя до фуршета, я взяла прохладный пунш. Но не успела я сделать и глотка, как ко мне подошёл очередной кавалер.

— Добрый вечер, графиня. — Юноша поклонился. — Позвольте представиться: барон Клод Леруа.

— Приятно познакомиться, барон. — Мой ответ был коротким — в надежде, что он поймёт намёк.

— Разрешите пригласить вас на танец?

Я чуть не закатила глаза, но вовремя сдержала порыв.

— Боюсь, этот танец уже обещан другому.

Хотя я никому ничего не обещала, я улыбнулась так, что кавалер счёл за лучшее откланяться.

Этот вечер утомлял. Я взяла пунш, осушила бокал одним глотком и поставила его на стол. В зале было невыносимо душно, ещё и корсет почти перекрывал доступ воздуху. Нужно было охладиться. С этой мыслью я направилась на балкон в надежде провести этот вечер в одиночестве.

Поднявшись на второй этаж, я взялась за резную ручку и открыла дверь. Прохладный воздух приятно дунул в лицо. Подняв голову, я увидела стоящего перед собой мужчину.

— Жизнь моя...

Глава 2

Я вернулся в Монтар. После долгих скитаний по миру остатки моей души привели меня обратно — будто даже эта малая часть знала, куда ей нужно.

За прошедшие четыреста лет город сильно изменился. Узкие улицы расширились, дома украшали колонны, лепнина и статуи, словно Монтар пытался выглядеть старше, чем был на самом деле. Но всё это не имело смысла. Я вернулся, чтобы вновь навестить её. Ту, которая уже четыреста лет ждала меня, не покидая этого места.

Я шёл по знакомой улице, не обращая внимания на любопытные взгляды юных леди. Городской шум заглушал даже стук их трепещущих сердец — этот вечный, навязчивый ритм, гонящий кровь по венам. Но всё это было лишь декорацией. Пустой, шумной сценой, которая не имела ко мне никакого отношения.

Дойдя до нашего родового поместья, я свернул на фамильное кладбище. Прошёл мимо старых могил, не задерживая взгляда ни на одной из них. И остановился у той самой, единственной. Надпись на могильном камне — «Мерри Бладстейн» — отзывалась внутри глухой, выжженной пустотой. Там, где когда-то от её звонкого смеха трепетало сердце, теперь не было ничего. Только тишина. Тяжёлая, окончательная тишина. «Умерла в 1349-м».

Грудь сдавило от воспоминаний о ней. Иногда я слышал её голос в толпе, но это была лишь галлюцинация больного разума. Я искал её образ среди тысяч женщин, но не нашёл ни малейшего намёка на сходство. Отчаяние сковало моё безжизненное сердце. Я давно потерял надежду найти тебя вновь.

— Я не просил у Бога вечности. Я просил только одного: чтобы ты не осталась одна в темноте. А он дал мне вечность без тебя. И теперь я трачу её на то, чтобы снова найти дорогу к твоему свету, — прошептал я, не сводя глаз с могильной плиты.

Голос дрогнул, когда слова донеслись до собственного разума. Я коснулся холодного камня, словно пытаясь почувствовать то тепло, которое давно потерял.

— Это была последняя наша встреча, жизнь моя. Следующая будет в лучшем мире.

Я развернулся и направился в сторону поместья. Грудь сжималась от сквозной дыры в сердце. Но я понимал, что так будет лучше. Нет, скорее я надеялся, что после смерти обрету покой в её объятиях.

Меня встретил Луи — человек, который носил мой титул, прямой потомок моего рода. После своего превращения в чудовище я обязал его предков быть хранителями семейной тайны.

— Герцог, рад видеть вас дома! — Луи склонил голову.

Я слегка кивнул. Мужчина выглядел напряжённо: он знал, кто я такой, и понимал, что моё внезапное появление не останется незамеченным.

— Здравствуй, Луи. Я тоже рад тебя видеть.

Луи нахмурил брови.

— Ваше появление в городе вызвало волнение. Инквизиторы навряд ли пропустят такую новость, — в его голосе слышался страх.

Я понимал его. Переживание за свою семью часто толкает людей на необдуманные поступки. И я в этом убедился ещё четыреста лет назад.

— Моё присутствие будет коротким. Завтра я покину город навсегда, — ответил я.

Плечи Луи слегка расслабились, едва ощутимый облегчённый вздох сорвался с его груди.

— Господин, сегодня у нас приём. Я был бы польщён, если бы вы порадовали нас своим присутствием.

Я хотел отказать, но что-то внутри дрогнуло, и я задумался. Может, стоит в последний раз взглянуть на этот мир? В конце концов, у меня есть целая вечность, чтобы умереть. От этих мыслей я невольно дёрнул уголком рта.

— С удовольствием, Луи.

Парень чуть склонился и покинул меня.

До вечера было ещё много времени. Я решил скоротать его прогулкой по городу. Ноги сами привели меня в городской сад. Озеро здесь было прекрасным: даже спустя четыреста лет оно не особо изменило свой облик. Деревья стали выше. Цветы и кустарники украшали ухоженные клумбы. И наше место у дерева на самом берегу... Я подошёл к нему. Воспоминания нагоняли тоску, отчего пустота с новой силой давила на грудь. Я прикоснулся к коре, желая ещё раз воскресить в памяти нашу последнюю встречу.

400 лет назад, перед смертью Мерри

На воде всё так же, как и всегда, плавали два белых лебедя. Мерри следила за ними, и улыбка возвращалась к ней. Она повернула голову, услышав шаги.

— Душа моя! — Мерри вскочила на ноги и подбежала ко мне, крепко заключая в объятия. Голос немного дрогнул из-за предстоящей разлуки. — Тебе не стоит ехать. Восточные земли полностью унесла болезнь. Там только смерть.

— Я знаю... — мой голос был тихим, похожим на шёпот. — Но я должен.

Мерри отстранилась и посмотрела на меня. Её глаза заполнили слёзы, отчего моё сердце болезненно сжалось. Я обхватил её лицо руками, вытирая большими пальцами влажные дорожки на щеках.

— Не плачь, жизнь моя. Разлука будет недолгой.

Мерри прикоснулась к моим рукам и кивнула. Я притянул её к себе, кутая в объятиях. Тогда я ещё не знал, что эта встреча окажется последней...

1749 год, настоящее время

Я убрал ладонь. Воспоминание вызвало ту самую боль, которую я нёс в себе все эти четыреста лет. Я обернулся и посмотрел на озеро. В нём всё так же плавали два белых лебедя, как и в тот день. Пару минут я смотрел на птиц. Небольшой осколок зависти вонзился в грудь. Они живут с одной парой всю жизнь, и если умирает один, то второй разбивается вслед за ним. Я же обречён умирать вечность. Но сегодня это чёртово колесо сломается, и, может быть, я тоже обрету покой.

С этой мыслью я направился обратно в поместье, ожидая окончания этого дня.

***

Я вернулся к началу приёма. Он поистине был чудным. Женщины и мужчины, загримированные под живые статуи, встречали прибывающих гостей. Пытаясь не привлекать внимания, я поднялся на балкон второго этажа — отсюда открывался хороший обзор на весь зал. Музыка наполняла пространство, как и запах смешанного парфюма. Кавалеры кружили дам в вальсе.

Приёмы значительно изменились с прежних времён. Сейчас происходящее больше походило на рынок, где господа из высшего общества пытались повыгоднее продать своих детей. Лёгкий смешок вырвался из груди. На этой Ярмарке как раз начиналась охота за самыми завидными женихами и невестами. Если сравнивать, то несколько веков назад дамы вели себя куда скромнее. Никак не могу привыкнуть к новым правилам, особенно когда они меняются каждое столетие.

Из мыслей меня вырвал женский голос:

— Добрый вечер. Полагаю, вы и есть тот таинственный герцог? — спросила девушка с русыми волосами. Она изящно взмахивала веером, прикрывая довольную улыбку.

— Может, и не такой таинственный. Позвольте представиться: Северин Бладстейн.

Девушка сложила веер и склонилась в реверансе — глубокий поклон подчёркивал все прелести женского тела.

— Изабель де Ларош, ваша светлость. — Девушка протянула руку.

Я оставил на её кисти лёгкий поцелуй. Этот род ещё существовал? Я полагал, что их всех скосила чума.

— Почему вы тут один, герцог? — Она вновь распахнула веер, взмахивая им у самой груди.

— Люблю наблюдать со стороны. А вы почему не наслаждаетесь прекрасным приёмом?

Леди явно была не из тех, кто легко сдаётся. Я чувствовал, как она жаждет заполучить моё внимание, но общество юной особы не доставляло мне удовольствия.

— Приём немного утомил меня. Я подошла, чтобы вы развеяли мою скуку.

Я усмехнулся. Леди была либо очень смелой, либо глупой. Хотя чего ещё ожидать от нынешних ценностей?

— Полагаю, вы ошиблись на мой счёт. Прошу прощения, но я должен откланяться.

Я слегка кивнул ей и ушел. Первая попавшаяся дверь вела на уличный балкон, откуда открывался потрясающий вид на сад, пестривший розами всех цветов и сортов. Здесь стояла небольшая скамейка, на которой обычно любила сидеть матушка, наслаждаясь летними вечерами.

Расположившись на скамье, я достал портсигар, трубку и набил её табаком, в последний раз смакуя его вкус и вечернюю прохладу. Докурив, я собирался покинуть это место. Но не успел я прикоснуться к ручке, как дверь перед моим лицом распахнулась.

— Ох, прошу прощения, я не знала, что здесь кто-то есть, — бросила вошедшая с вежливостью, за которой скрывалась досада, и уже развернулась, чтобы уйти.

— Жизнь моя... — почти шёпотом произнёс я.

Тело отреагировало быстрее разума. Я думал, она не услышит, но девушка остановилась. Она повернулась ко мне лицом. Оно было роднее всех, но в то же время казалось совершенно чужим. Время остановило свой ход. Пропали звуки музыки, голоса, запахи. Даже луна на секунду померкла. Мир как будто замедлился. Застыл.

В отражении её зелёных глаз я увидел себя. Впервые за четыреста лет я увидел себя. Человека, который не хотел жить. Человека, который потерял нить смысла существования. И вот эта нить в долю секунды окрепла, превращаясь в толстый канат.

Я смотрел ей в глаза. Четыреста лет я репетировал прощание, а оно заняло одно мгновение. От желания уйти до обретения смысла жить — тоже одно мгновение. Разум отказывался верить, но безжизненное сердце сжималось от волнения. Её взгляд, полный непонимания из-за сказанной мною фразы, таил в себе немой вопрос. Она ждала объяснений. Возможно, она приняла это за дерзкий флирт. Но нет. Или, может, я испугал её? Но страха в её глазах не было.

— Мы знакомы? — её голос раздался эхом в моей голове. Такой родной, но незнакомая интонация возвращала в реальность.

— Да, в тёмных мирах под названием сны...

Её брови изогнулись домиком. Возможно, мне стоило ответить иначе, но разум отключился, и я дал волю чувствам, которые угасли несколько веков назад.

— Что-то я совсем забыл о манерах. Позвольте представиться, прошу прощения: Северин Бладстейн. — Голос немного дрогнул.

Напряжение немного спало с её лица. Она склонилась в реверансе и изящно протянула руку.

— Приятно познакомиться, герцог. Графиня Элаиза Ленквин.

Я коснулся её пальцев и потянул ладонь к губам, не разрывая зрительного контакта.

— Вы всегда так приветствуете дам?

Её колкость вызвала у меня улыбку. Я медленно отпустил её руку.

— Нет, только особенных.

— И что же во мне особенного, ваша светлость? — На лице Элаизы заиграло любопытство. Было видно, что она ждёт, как я выберусь из ямы, которую сам же себе и выкопал.

— Приём в самом разгаре, а вы решили покинуть его, уйдя на балкон.

— Весна выдалась весьма жаркой. Не вижу в этом ничего такого. — Элаиза изящным жестом распахнула веер. — Что ж, прошу прощения, что помешала вам насладиться одиночеством. Рада была познакомиться. — Она вновь присела в реверансе.

— А для меня было удовольствием пообщаться с вами. — Я чуть склонил голову, придерживая цилиндр.

Она ушла. Я смотрел ей вслед, пока её силуэт не растворился в поворотах коридора. Она не стала добиваться ответа, просто ушла, разрушив мой план и оставив меня с... надеждой? Нет. Со смыслом жить.

Я последовал на балкон второго этажа, глазами ища знакомый силуэт. Меня отвлёк звук приближающихся шагов.

— Господин, приготовления закончены, — сказал Луи. Он подошёл ко мне и облокотился на ограждение балкона.

— Пожалуй, я задержусь здесь, друг мой.

Краем глаза я увидел, как спина Луи напряглась. Он повернул голову в мою сторону.

— Господин, я должен вас предупредить...

— Я знаю, Луи, знаю. Я готов рискнуть.

Я чувствовал его тревогу и страх, но отступать был не намерен. Луи чуть склонился и покинул меня. Я же продолжил наблюдать, высматривая её.

Вот она. Элаиза стояла в компании юных леди. Я видел, как она натягивает улыбку, отвечая с сарказмом или иронией. Но глаза выдавали её истинную суть: она устала от приёма, лжи-

вых улыбок и пафосных речей. Элаиза обернулась в мою сторону. Она не заметила меня, но я знал, что она чувствует мой взгляд.

Я встал ближе к перилам. Элаиза подошла к фуршетному столу, взяла бокал и сделала глоток. Её рука дрогнула, когда она всё же увидела меня, стоящего на балконе, — поймала мой взгляд и улыбку. Сделав глубокий вдох, она вернула на лицо самую вежливую из своих масок.

Усмешка сорвалась с моих губ. Она учтиво кивнула и направилась обратно к компании девушек. Её игра меня забавляла. Но сдаваться было не в моём вкусе. Возможно, я об этом пожалею, но не сейчас.

Я спустился по лестнице, направляясь прямиком к группе девушек. Элаиза стояла ко мне лицом, и, увидев меня, её брови немного дёрнулись вверх. Она явно не ожидала больше встретиться со мной сегодня. Вся компания юных леди обернулась. Послышались томные вздохи и шелест вееров.

— Графиня, не подарите мне танец? — Я чуть склонился и выставил руку.

Элаиза нахмурилась, но отказать не посмела — ведь на неё смотрели «соперницы». Она вновь натянула улыбку.

— Конечно, ваша светлость.

Элаиза сделала шаг навстречу и вложила кисть в мою ладонь. За спиной послышался шёпот, но это было уже неважно. Кавалеры и дамы заняли свои места. Заиграл вальс.